Марина Черноскутова
ПГТ Кузедеево

Сеня

На ферме был Сеня. Надёжа и опора. Загуляет кто из скотников – Сеня всегда заменит. И поэтому зарплата у него всегда к сотне. А после Нового года так и больше сотни. Жена рада: "Вот вам и Сеня! Кормилец!"

А тут – бац! – ровнёхонько сотня вышла. И выдала кассирша Сене новенькую сотку! Пусть порадуется. Пусть похвалится. Ведь не каждый день на такую купюру посмотришь. Полтинники и то редко дают. Четвертаки – изредка. Самые уважаемые – рыженькие десятки, а привычные в ходу – пятаки, рубли да трёшники.

Вышел Сеня на крыльцо, сел на ступеньку и заплакал. Посмотрит на сотню – и всхлипывает в голос, грязным рукавом фуфайки утирается. Усалакался, как чушка.

Бригадир Сенин увидел:

– Ты чего, Сень? Обидел кто?

– Так ить... – Сеня аж выговорить не может. – Работал же! Денежку одну дали. Как так-то? – показывает сотню и с надеждой смотрит на бугра. – Я же всё делал, как ты велел. Как так-то, Карлосич?

Карл Иосифович, сдерживает улыбку, нахмуривает брови, берёт сотню и качает головой:

– Неправильно это. Ошиблась, наверное, Надежда Демьяновна. Пойдём.

Сеня подскочил, засуетился, улыбается:

– Ошиблась она. Неправильно.

Раздвигая очередь, театрально и громогласно повторяя: "Нет, Сеня, это надо разобраться!" – бригадир подходит к окошечку кассы. Очередь расступается в ожидании спектакля. Покашливают. Прячут улыбки. Может, и сразу по ходу обсуждали бы да хихикали, но знают, что бугор цыкнет: «Неча над божьим человеком хыриться».

– Надежда Демьяновна! Что-то не так с зарплатой-то Сениной.

Надежда Демьяновна, не видевшая из своей амбразуры зачина, начинает сходу защищаться:

– Чё не так-то? Вот, глянь ведомость...

Карл Иосифович ей подмигивает:

– Ну? Работал мужик, а ты ему одну бумажку. Не должно бы. Может чего спутала?

Надежда Демьяновна сообразила. Подыгрывает:

– Ой, Карл Иосифович, так я не ту ведомость посмотрела. Арсений Семёнович, подойдите, пожалуйста.

Бригадир отдаёт кассирше сотню и уступает Сене место у окошка. И Надежда Демьяновна – опять удача! – выдаёт Сене пачку рублей.

Сеня принимает кирпичик. С интересом рассматривает. Трогает банковскую ленточку. Не поймёт чего делать.

– Вот заработал, так заработал! – подбадривает тракторист Коля. – Ты ж миллионер, Сеня!

Сеня улыбается:

– Сеня работал!

– Ты сам-то, Сень, не рви упаковку, – преувеличенно душевно советует телятница Тамара. – Деньжищ-то вон сколько! Вдруг выскользнет какая... А так донесёшь. Пусть Клава сама вскроет.

– А гостинцы? – тут же Сенина улыбка меняется на обиду и растерянность.

Сеня всегда с получки идёт в магазин, на одну денежку гостинцев покупает.

Коля поворачивает к себе Сеню и, глядя ему в глаза, заговорщицки шепчет, чтобы все слышали:

– С такими деньгами, Сеня, нельзя в магазин.

Сеня пугается:

– Почему?

– Сильно много. Дуй сначала домой. Клава тебе одну денежку даст, тогда пойдёшь за гостинцем.

Сеня плаксиво возражает:

– А-а-а, Клава не даст. Клава Сене только железные денежки даёт. Только на хлеб.

Очередь замолкает. Жалко упаковку. Пусть бы Клава посмотрела.

Опять спасает бригадир. Пойдём, Сеня, вместе. Зайду по пути, скажу Клавдии, раз так много заработал, обязана выдать.

Сеня семенит за бригадиром и каждому показывает свою пачку:

– Вот сколько заработал! Много денежков!

Их провожают, улыбаясь, и молча смотрят вслед...

– Ну? Кто там следующий? – раздаётся из утробы кассы.

– Так я! – спохватывается Коля. – Мне-то можешь и тую одну выдать.

Очередь взрывается хохотом.

– Не заработал столько! – слышен надрывный почти визг Надежды Демьяновны.

И до конца дня в конторе веселье. Каждый пытается перед кассой ввернуть что-нибудь своё в тему "много денежков", вспоминают другие Сенины коленца, но то и дело кто-нибудь из баб почти серьёзно замечает:

– Зато не пьёт. Клава с ним, как у Христа за пазухой.

– Да, – кивнёт другая. – И не дерётся.

– А чё? По хозяйству всё может.

– Указывать только надо.

– Так лучше указывать, чем самой ворочать.

– Интересно, а как детей делать, Клавка ему тоже указывает?

И разговор уходит на некоторое время в совсем уж весёлые материи, перемежаясь анекдотами, периодически возвращаясь к Сениной получке, и даже редкие вспышки скандалов с кассиршей не могут перебить общего счастливого возбуждения.

Что ни говори, а скучно жила бы деревня без Сени.

Просто так

– От окаянный! Опять варежки насквозь! Это ж надо – за пять минут от дома... Ты руки из снега не вытаскиваешь что ли? О, а этот пальто устряпал, – она ворчит, раскладывая варежки на батарею, проверяя пуговицы на пальтишках и выговаривая давно отсутствующей пацанве. – А эта? Ведь хуже мальчишки... Хуже мальчишки.

Проведя ревизию и установив очерёдность починки, достаёт коробку с нитками, крючками, иголками, разнокалиберными пуговицами. Продолжая ни то ворчать, ни то петь, пришивает пуговицы, подтягивает спущенные петли, зашивает прохудившиеся карманы...

– Тёть Свет, чай пить пойдёшь? – заглядывает повариха.

– Сейчас. Петельку вот Вовке пришью.

– Чё, много сегодня?

– Да нет. Мороз. А так бы все пуговицы на горке оставили. За один урок управлюсь.

– Ой, а я ж тебе пуговиц принесла, – повариха выгребает горсть пуговиц. – Чуть ни забыла. Одёжу старую вчера перебрала. Мужу чё на тряпки отдала, а тебе вот пуговиц отрезала.

– А и спасибо. Пригодятся. Дерут ведь стервецы. Не напасёшься.

Повариха улыбается, мол, знаем мы твои закрома, там полк обшить хватит.

– Так чё? На втором уроке придёшь?

– Ухму... – кивает тётя Света, перекусывая нитку.

С каких пор она работает в школьном гардеробе, уже никто и не помнит. Никто не спрашивает, зачем ей это надо – латать и пришивать. Разве что новенький какой удивится весёлой рожице колобка вместо дыры на рукаве, спросит у одноклассника:

– Нафига это?

Одноклассник пожмёт плечами:

– Не нравится, мамку заставь.